

ТАК НАЧИНАЛСЯ АФГАН

Для подполковника Барановского Афганская война началась с блиц-командировки в еще мирный Кабул, где он, в компании таких же переодетых в штатское офицеров, знакомился с театром будущих военных действий. В сопровождении людей из госбезопасности они осматривали и фотографировали расположение мостов, караван-сараяв, замков и прочих ориентиров на направлении возможного удара.

– В мою задачу входило не допустить прорыва к Кабулу танковой бригады афганских правительственных войск с южного направления... – вспоминает Игорь Михайлович. – Сто пятьдесят танков против тридцати пушек моего самоходно-артиллерийского дивизиона – тут было над чем задуматься. Надо было прикинуть, где и как запереть выход из гор. И такое место было найдено в тридцати километрах от Кабула. Если грамотно оборудовать позиции, тот тут, пожалуй, можно было продержаться некоторое время... Конечно, я не знал, сколько времени остается до вторжения, но понимал, что счет уже пошел на часы. Поэтому по приезде стал немедленно готовить дивизион к войне. Первым делом спланировал и «пропустил» через полигон все подразделения – ведь в строю были молодые солдаты и неопытные сержанты из «учебки». Затем приказал нарубить березовых дров, погрузить в каждую самоходку по два снарядных ящика угля и закрепить на борту по паре бревен. В тесное пространство САУ были втиснуты тюки с бельем, обмундированием и ящики с гранатами. Взяли с собой даже пустые бидоны из-под молока, которые в полевых условиях можно было превратить в великолепные печки. Ко всему прочему каждый экипаж обязан был иметь по одной двухпудовой гире. Не был забыт и спортивный инвентарь – «конь», «козел», турники и брусья – это уже сказывался опыт событий в Чехословакии, где мы воевали три дня, а остальные три месяца люди мучились от безделья. Прямо скажу, многие молодые офицеры смотрели на меня как на старого чудака – не понимали того, что сначала солдата нужно накормить, обогреть, а уж потом с него войну требовать...

Скоро дивизион проверяла комиссия. Высокие чины, увидя наши по-цыгански навьюченные самоходки, на некоторое время просто потеряли дар речи.

– Да что это за бардак?! – наконец раздался генеральский рык, – да ты куда это собрался?

– На войну... – ответил я.

– Убрать! – разошелся генерал-лейтенант, – выкинуть все барахло к чертям!

«Хрен я что уберу, – подумал я, – у меня опыта больше, чем у тебя...». Ну а сам, конечно, подзываю начальника штаба и отдаю приказ все лишнее выбросить. Начштаба у меня понимал,

что к чему, и с выполнением не торопился. Им чего – «отдохнут» и уедут, а нам воевать. По штату все мои офицеры были вооружены только пистолетами, теперь сверх этого я отдал команду взять каждому по автомату, 300 патронов и по пять «лимонок» – действительно, не на гулянку едем...

12 декабря в Москве состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, где, как теперь известно, было принято решение о вводе наших войск в Афганистан. Когда это услышал, сразу понял – пришел наш черед. В тот же день мы получили приказ выдвинуться на аэродром. Когда дивизион, лязгая гусеницами, вытягивался из ворот части, на КПП стояли наши жены и плакали...

На этом аэродроме, в ожидании самолетов, мы простояли почти две недели. Там оставалось столько богатства! Тюки с тельняшками, ящики с консервами, бесхозные «газики», брошенные бензозаправщики. Некоторые командиры полков приказывали выбрасывать все, оставляя только оружие, патроны и сухари. Мы тогда выбрали один исправный грузовичок и набили его до отказа этим имуществом. А потом не смогли удержаться от искушения и разжились еще одним бензовозом – ребята быстренько покрасили старые номера, нарисовали свои, а тут и авиация за нами прилетела...

Это были гигантские четырехмоторные «Антеи», которые брали на борт от 40 до 100 тонн груза – в зависимости от дальности полета. Поскольку мне надо было погрузить в каждый самолет по две самоходки, грузовику плюс человек двадцать команды, то это как раз и составляло 50 тонн. Летчики не соглашались, и тогда я вышел на Москву, доложив командующему ВДВ свои соображения по этому поводу.

– Черт с тобой, грузи... – ответил тот, – сядете на дозаправку в Энгельсе...

И вот когда техника уже расплзлась по самолетам, я собрал свою гвардию под крылом и громко скомандовал: «Слушай боевой приказ!».

Это был такой момент, что как мне потом рассказывали офицеры, у них «аж вся шерсть на загривке поднялась». Это был приказ Родины, и этим все сказано...

Когда перелетали границу Союза, то видели, что все шоссе внизу было забито танками, боевыми машинами пехоты и грузовиками. Над всей этой стальной армадой патрулировали вертолеты, рубя лопастями воздух. «Силища огромная, – думал я, – но пока она еще доберется до Кабула! Так что первый удар придется держать нам...». При заходе на посадку мы вдруг увидели в горах огромный взрыв – потом уже узнали, что это врезался в гору транспортный Ил-76. На его борту были люди, бензовоз и машина с боеприпасами...

В ожидании боя мы расположились на кабульском аэродроме. Поставили жерди, натянули на них танковые чехлы, наладили отопление и расставили охрану. Не описать, с какой завистью смотрели на нас соседи, спавшие на голой земле. А на следующее утро вызывает меня в свой шатер командир дивизии. Полумрак, за раскладным столом комдив, перед ним – карта. Рядом офицеры штаба и какой-то незнакомый человек.

– Доложите, подполковник, о готовности вашего дивизиона... – обращается он ко мне. Честно говоря, удивил его тон – высокомерный и пренебрежительный, – перед боем не так надо бы разговаривать...

– Ваша задача – блокировать южную окраину города. Умереть, а не дать пройти в город танковой бригаде афганских правительственных войск. Вы поняли?

– Игорь, надо продержаться хотя бы до рассвета, – сказал комдив, – иначе наших ребят сомнут...

Да, бой в городе – сложная штука. Армия, входя в него, как бы растворяется, и ее могут даже бабы горшками закидать...

– Разрешите вопрос: я имею право стрелять на поражение?

– Вы что, приказ не поняли?! – взвился незнакомец, – по-моему, вы уже выполняли аналогичную задачу, когда блокировали военную академию в Брно!

Да, думаю, друзья, ответственность на себя вы брать не хотите. И в случае чего все можно будет свалить на Барановского...

Словом, получил я приказ в 22 часа начать выдвижение к намеченному рубежу обороны и побежал к своим. Быстро свернули палатки, выгрузили из самоходок все лишнее и в назначенное время выступили из лагеря. Первые три километра до развилки шли по городу, залитому яркими вечерними огнями. Теперь это трудно себе представить, но тогда Афганистан был страной туристов и еще жил по мирному времени. Войска продвигались в три ряда, причем очень быстро. Состояние у людей было напряженное – шансов уцелеть в бою было немного. Хотя 85-миллиметровая пушка нашей самоходки прошивала бортовую броню танков насквозь, я понимал, что против 150 боевых машин нам долго не устоять... Прибыв на место, я расставил самоходки, гранатометчиков и приданные пушки так, чтобы они могли ударом во фланг поддерживать друг друга. Одну самоходку поставили посередине дороги – если танки на полном ходу врежутся в нее, то на некоторое время образуется пробка. Мостик заминировали, заложив мощный фугас. Потом солдаты притащили туда скирду соломы и канистру с соляжкой, чтобы, если придется принимать бой ночью, можно было подсветить цели. Три самоходки ушли на соседнюю высотку, откуда в приборы просматривалось расположение афганского танкового полка. И стали ждать. Скоро на «джипе» к нам подъехал наш офицер в форме песчаного цвета – видно, военный советник афганской бригады. Сказал, что половина танков стрелять не сможет, т. к. их удалось разоружить, выбросив бойки, и попросил, если можно, не бить по двум последним машинам.

– Дорогой товарищ, – отвечаю ему, – в ночном бою, да еще в пылище, как я различу, где первый танк, а где последний?

Затем я поднялся наверх, откуда были видны афганские казармы и освещенный плац, где в три ряда стояли танки с открытыми люками. В больших окнах казарм мельтешили люди – видно, там проходил митинг.

– Геннадий Алексеевич, – сказал я начальнику штаба, – как только они бросятся к танкам, бей из пулеметов трассерами, отсекай их от брони, загони обратно в казармы. По возможности, по людям не стреляй...

И когда афганские танкисты кинулись по машинам, заговорили все девять пулеметов самоходок. Рой красных трасс захлестал по броне, вызывая шок у бегущих. От неожиданности многие сразу попадали, закрывая голову руками, а затем стали отползать обратно, под прикрытие зданий. Лампы на плацу просто сияли, и уложить эту публику можно было бы запросто, но зачем? Мы не испытывали к ним никакой вражды...

Начальник связи дал мне послушать, как шел штурм дворца Амина и военного училища, где засели преданные режиму боевые и злые афганские офицеры – настоящие вилки. Крутенько тогда пришлось нашим спецназовцам... И тут рядом началась отчаянная стрельба – это наши десантники пошли на штурм тюрьмы. Здание, надо сказать, было серьезное – стены такой толщины, что по ним запросто можно было бы раскатывать на машине. Ворота были

бронированные, и легкие боевые машины десанта ничего не могли с ними сделать. Тогда их командир попросил у меня парочку самоходок. Отчего же не помочь ребятам, пока тут тихо? Только посоветовал наводчикам бить по запорам и петлям – хлопцы опытные были, могли с полкилометра вклепать снаряд в шапку-ушанку... Первым делом они из пулеметов погасили английские прожекторы, сбили ворота с петель, протаранили их и ворвались внутрь. А там десантники уже сами справились... И вот что характерно – раненым афганцам оказывали помощь наравне со своими. У остальных забирали оружие и отпускали на все четыре стороны...

И в это время на нас пошли их танки. Когда они появились, я включил прожектор на своей машине. По этому сигналу ударили наши пушки, а пулеметчики зажгли скирду. Первый танк, который вполз на мостик, буквально разметало взрывом. От другого во все стороны брызнули ошметки. Затем плотной дымзавесой поднялась пыль. Три наших самоходки вышли им во фланг и ударили по танкам сбоку. Надо сказать, что и афганцы огрызались в ответ – но самое удивительное, что в том бою мы не потеряли ни одного человека.

Только одной самоходке снарядом срезало дульный тормоз, а на другой снесло люк и антенну. Потом их танки стали пятиться и уходить обратно...

На следующее утро сюда приехал комдив, достал из кармана фляжку с коньяком, отвернул пробку и сказал:

– Игорь, мать твою! Молодец! Мы ж тебя на верную смерть послали. Давай теперь выпьем за твое здоровье...

За этот бой подполковник Игорь Барановский в числе первых был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Отслужил в Афганистане два года и три месяца. Потери за это время у него были такие: 1 убитый и 10 раненых. В соседнем полку, соответственно, 55 и 120... А вообще-то, про ту войну он вспоминать не любит.

– И тогда думал и теперь считаю, что не стоило нам туда лезть. Я еще понимаю, когда солдат погибает за Родину. А тут ни за что положили 15.000 молодых ребят... Хотя этой цифре я тоже не верю – кто считал тех, кого грузили в самолеты с оторванными ногами? Вряд ли кто из них долетел живой до госпиталя... И вообще, я сторонник того, чтобы все споры решались мирным путем. А политикам всегда хочется мускулами поиграть. Вот и доигрались...

В. Костюкевич